

Научная статья

УДК 81.139

DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-30-51

**Выбор системы отсчета и оценка дискурсивной
и индивидуально-авторской лингвокреативности**

Мария Ивановна Киосе¹

Анна Александровна Степанова²

¹ Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия
maria_kiose@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7215-0604>

² Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия
st.anna@bk.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1804-9983>

Аннотация

Предложен контрастивный метод оценки дискурсивной лингвокреативности, в основе которого лежит принцип выбора системы отсчета. В качестве систем отсчета рассматриваются разные типы дискурса; здесь это дискурс детской литературы и эпистолярный дискурс, с одной стороны, и индивидуально-авторский дискурс, с другой. Метод позволяет оценить вариативность в проявлениях лингвокреативности, определяющуюся использованием того или иного типа дискурса как системы отсчета. Анализ реализован на материале произведений трех авторов, М. Шолохова, К. Паустовского и С. Маршака, в творчестве которых представлены дискурс детской литературы и эпистолярный дискурс. В ходе исследования устанавливаются дискурсивные новации, или дискурсивно-прагматические установки, обуславливающие вариативность проявлений лингвокреативности в художественном и эпистолярном дискурсах, а также в индивидуально-авторском дискурсе.

© Киосе М. И., Степанова А. А., 2021

ISSN 2307-1737

Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 30–51

Critique and Semiotics, 2021, no. 2, pp. 30–51

Ключевые слова

лингвокреативность, индивидуально-авторский дискурс, дискурсивные профили, дискурс детской литературы и эпистолярный дискурсы, принцип последовательных преобразований системы отсчета, дискурсивные новации

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН

Для цитирования

Киосе М. И., Степанова А. А. Выбор системы отсчета и оценка дискурсивной и индивидуально-авторской лингвокреативности // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 30–51. DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-30-51

Reference Frame Modification in the Assessment of Discourse and Author's Linguocreativity

Maria I. Kiose¹, Anna A. Stepanova²

¹ Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation
maria_kiose@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7215-0604>

² Institute of Linguistic of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
st.anna@bk.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1804-9983>

Abstract

The contrastive study develops the method of discourse linguocreativity analysis, which features reference frame modifications and helps identify major transformations in linguocreativity discourse profiles. We verify the method to assess linguocreativity in the works of M. Sholokhov, K. Paustovsky and S. Marshak representing both the discourse of children's literature and the epistolary discourse. These discourse types and the author's discourse on the whole serve as different reference frames to trace linguocreativity discourse profiles transformations in each author's discourse. The study reveals major discourse innovations enhancing linguocreativity in the discourse of children's literature and epistolary discourse as well as in the author's discourse. Among them are the discourse innovations in event construal, actionality, addressing, emotionality, self-representation and self-identification, inter-discourse construal.

Keywords

linguistic creativity, author's discourse, discourse profiles, discourse of children's literature and epistolary discourse, reference frame modifications

Acknowledgements

The research is funded by grant no. 19-18-00040 of the Russian Science Foundation and is carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

For citation

Kiose M. I., Stepanova A. A. Reference Frame Modification in the Assessment of Discourse and Author's Linguocreativity. *Critique and Semiotics*, 2021, no. 2, p. 30–51. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-30-51

Вступительные замечания**Дискурсивная лингвокреативность: возможности измерения, определяемые выбором системы отсчета**

Исследование дискурсивной лингвокреативности может быть проведено разными способами, в том числе определяемыми сложной природой дискурса, возможностями его уровневого конструирования. Так, в зависимости от того, какие характеристики дискурса выходят в данный момент в фокус исследования (например, авторство дискурса, его жанровая принадлежность, эпоха создания, статус участников), один и тот же дискурс можно отнести к разным типам. Это наблюдение особенно значимо для проведения контрастного анализа дискурсов, при котором выбор фокуса исследования как основания для сравнения двух дискурсов, будет определять его результаты. Например, дискурсы можно подвергать анализу на основании типа их авторства, а можно – на основании их жанровой принадлежности. В этом случае от того, какой тип дискурса, индивидуально-авторский или «жанровый», мы выберем в качестве системы отсчета при контрастном анализе, будет зависеть и оценка лингвокреативности.

Необходимость решения вопроса корректной оценки дискурсивной лингвокреативности вызвала обращение к исследовательскому потенциалу системы отсчета. Как известно, эта категория рассматривается в рамках общей теории систем и получает описание в ряде принципов их функционирования, например принципа последовательных преобразований (см. [Bertalanffy, 1968; Мельников, 1978; Щедровицкий, 1995]). В настоящей работе последовательное преобразование двух систем отсчета, индивидуально-авторской и жанровой, позволяет не только определить активность параметров лингвокреативности в каждом «измерении» дискурса, но и установить ряд дискурсивных новаций, или дискурсивно-прагматиче-

ских установок, определяющих вариативность проявлений лингвокреативности в дискурсе каждого автора.

Принцип выбора системы отсчета при измерении лингвокреативности дискурса

Для установления особенностей лингвокреативности дискурса, которые определяются преобразованиями системы отсчета, необходимо разработать инструмент выявления преобразований, который способен: а) установить различия в «состоянии» системы отсчета и «состоянии» преобразованной системы, б) определить направления этих преобразований при цепочечных преобразованиях системы отсчета. Решение данной задачи возможно при исследовании дискурсивной лингвокреативности как многовекторного образования; в этом случае каждое состояние дискурса описывается с применением координат векторов, или показателей параметров лингвокреативности. В качестве системы отсчета будет рассматриваться та система векторных координат, которая служит в качестве исходной для установления изменений, или «отклонений», на каждом этапе преобразования системы, которые могут объясняться множественными дискурсивными новациями. Например, речь может идти о новациях в адресации дискурса, диахронических изменениях, изменениях прагматической установки, а также изменениях, диктуемых ситуацией коммуникации, составом участников, новациях в использовании тех или иных семиотических модальностей.

В настоящей работе исследуются дискурсивные новации, которые определяются особенностями индивидуально-авторского языкового конструирования. Как известно, изучение индивидуально-авторского дискурса стало очередным этапом исследования индивидуально-авторского стиля и речи (см. работы [Виноградов, 1963; Григорьев, 1983; Баранов, 1997; Карасик, 2002]). Однако если анализ идиостиля сосредоточен на установлении «способов и средств формально-содержательной и языковой фиксации авторских когнитивных структур, эмоциональных состояний и субъективных смыслов в эстетически направленном речевом произведении» [Четверикова, 2012, с. 31], то индивидуально-авторский дискурс описывает дискурсивно-специфические конструкты, формирующиеся в процессе освоения мира автором и находящие отражение в его произведениях, т. е. в фокусе исследования оказываются те конструкты, которые характеризуют не столько языковую, сколько дискурсивную личность [Синельникова,

2011]. Одним из таких конструкторов является лингвокреативность как константа [Зыкова, 2017], определяющая функционирование дискурса.

Для изучения особенностей индивидуально-авторского дискурса с помощью последовательных преобразований системы отсчета мы рассмотрим следующие этапы ее трансформации: 1) от художественного дискурса (дискурса детской литературы) и эпистолярного дискурса к их авторским проявлениям (произведениям трех авторов в целом); 2) от авторских проявлений к индивидуально-авторским проявлениям (произведениям каждого автора). При этом на каждом этапе мы определим ряд дискурсивных новаций, которые, предположительно, вызывают вариативность показателей параметров лингвокреативности.

Среди основных процедурных принципов исследования назовем следующие: 1) анализ одинакового объема материала авторов; 2) привлечение к анализу языкового материала, сходного по основным нарративным характеристикам; 3) использование методик аналитической статистики для установления «отклонений»; 4) привлечение в качестве координат векторов системы параметров универсальной лингвокреативности.

Контрастивный метод анализа последовательных преобразований при измерении лингвокреативности дискурса

Для анализа особенностей лингвокреативности дискурса используется метод контрастивного параметрического анализа, разработанный в [Зыкова, Киосе, 2020], дополненный методом векторного моделирования дискурса, предложенным в [Киосе, 2021], и методом последовательных преобразований системы отсчета, разрабатываемым в рамках настоящей работы. Данный метод заключается в поступательном установлении особенностей распределения активности параметров лингвокреативности преобразующихся (дискурсивных) систем с целью определения направлений их векторных трансформаций.

На первом этапе проводится контрастивный параметрический анализ лингвокреативности в двух дискурсах – дискурсе детской литературы (далее ДДЛ) и эпистолярном дискурсе (далее ЭД) – с целью установления значимых различий в распределении активности параметров двух дискурсов. Результатом этапа становятся показатели активности (частотности) параметров лингвокреативности в двух дискурсах и набор параметров, демонстрирующих статистически значимые различия в показателях активности в дискурсах.

На втором этапе устанавливаются параметры лингвокреативности, показатели активности которых демонстрируют специфику в творчестве каждого из трех авторов. Результатом данного этапа становится определение статистически значимых «отклонений» в проявлении лингвокреативности в дискурсе каждого автора относительно системы художественного и эпистолярного дискурсов. По итогам анализа определяется ряд дискурсивных новаций, вызывающих варьирование в активности параметров в двух типах дискурса.

На третьем этапе проводится анализ активности параметров в дискурсах каждого из авторов на предмет индивидуально-авторских различий. В результате устанавливаются особенности вариативного использования параметров лингвокреативности разных дискурсов в творчестве одного и того же автора. По итогам анализа определяется ряд дискурсивных новаций, которые вызывают варьирование в активности параметров лингвокреативности произведений трех авторов.

Для проведения контрастивного параметрического анализа используется система универсальных параметров языковой креативности (всего 46 параметров языковых уровней, 6 параметров графического оформления и 11 интердискурсивных параметров), позволяющая описать: а) 5 языковых уровней на предмет наличия средств выдвижения, нарушений нормы и переключений разных типов; б) особенности графической формы представления материала; в) типы включений фрагментов иных дискурсов [Зыкова, 2020]. Векторное моделирование дискурсов применяется для последующего установления особенностей сходств и различий в распределении активности параметров как векторных координат [Kiose, 2021].

Материалом исследования послужили произведения М. Шолохова, К. Паустовского, С. Маршака, являющиеся образцами ДДЛ (ориентированной на старший школьный возраст) и ЭД (письма личного характера). Произведения художественной литературы изданы в 1920-х – 1960-х гг.: М. Шолохов «Алешкино сердце» (1925), К. Паустовский «Далекие годы» (1946), С. Маршак «В начале жизни» (1960); к анализу привлечены начальные фрагменты данных произведений с одинаковым объемом (в знаках). Личные письма тех же авторов написаны в сопоставимый период 1920-х – 1970-х гг.: письма М. Шолохова написаны в период с 1944 по 1970 г., К. Паустовского – с 1950 по 1965 г., С. Маршака – с 1928 по 1963 г.

Проведение контрастивного анализа с привлечением таких разных на первый взгляд дискурсов имеет ряд оснований. Оба типа дискурса нацелены

ны на диалогичность коммуникации, в то же время ЭД демонстрирует большую дистантность [Белова, 2005]; оба дискурса достаточно нормированы, однако ДДЛ нормирован установками нормативно-правового характера [Белоглазова, 2010; Gamble, 2013], а ЭД – коммуникативными установками [Гусева, 2006, Акимова, 2017]; ЭД более каноничен [Фесенко, 2008; Курьянович, 2013], в то время как ДДЛ демонстрирует большую коммуникативную вариативность в связи с его полиадресацией [Nikolaeva, 1996]; ДДЛ имеет тенденцию к построению вымышленных миров [Zipes, 2001; Hunt, 2005], что в меньшей степени характеризует ЭД [Сапожникова, 2006; Троицкий, 2010; Калёнова, 2015]. Основные различия в дискурсах заключаются в типах адресации и возрастной саморепрезентации автора (художественные произведения повествуют о жизни автора в молодом возрасте, а эпистолярные – о событиях жизни уже зрелого человека).

Объем проанализированных текстов составил около 120 тыс. знаков, при этом одинаковым был объем материала от каждого автора (40 тыс. знаков) и объем материала в двух типах дискурса (по 20 тыс. знаков на каждый тип дискурса каждого автора). Данный объем материала оказался достаточным для обнаружения ряда устойчивых закономерностей в распределении активности параметров и для установления дискурсивных новаций как в отношении типов дискурсов, ДДЛ и ЭД, так и в отношении индивидуально-авторских проявлений.

Результаты исследования

Представим результаты исследования, следуя процедуре анализа, описанной выше. Данные по рассматриваемым дискурсам приведены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, при сходном количестве знаков достаточно сильно отличается количество слов и предложений в рассмотренных фрагментах, причем в обоих случаях сниженное количество предложений и увеличенное количество слов (т. е. предложения оказываются длиннее, а слова короче) наблюдается в текстах С. Маршака. Очевидно, что это отличие обусловлено именно индивидуально-авторскими особенностями, а не типом дискурса. Однако дисперсионный анализ ANOVA в отношении статистической значимости данного распределения показателей выявил, что оно не является статистически значимым ($F(5, 10) = 4.57, p = 0.47$).

В табл. 2 приведены сводные количественные данные по уровневой активности параметров¹ произведений М. Шолохова, К. Паустовского и С. Маршак. Кодами 101–108, 201–208, 301–306, 401–414, 501–511 обозначены разные уровни разметки (языковые – фонологический, морфологический, словообразовательный, лексический, синтаксический), кодами 601–606 – графические параметры, кодами 701–714 – интердискурсивные параметры.

Таблица 1

Сводные данные по исследуемым художественному
и эпистолярному дискурсам

Table 1

Summary data on fiction and epistolary discourse types

Тип дискурса	Автор	Произведение и время создания	Количество		
			знаков	слов	предложений
Дискурс детской художественной литературы	М. Шолохов	«Алешкино сердце» (1925)	20 010	2 991	295
	К. Паустовский	«Далекие годы» (1946)	20 183	3 098	294
	С. Маршак	«В начале жизни» (1960)	20 039	3 189	191
Эпистолярный дискурс	М. Шолохов	26.03.1944 – 15.04.1970	19 164	3 051	291
	К. Паустовский	24.03.1950 – 15.10.1965	21 002	3 337	327
	С. Маршак	14.08.1928 – 27.07.1963	19 215	3 115	263

¹ Обработаны в программе HETEROSTAT, см.: Киосе М. И., Ефремов А. А. HETEROSTAT. Программа HETEROSTAT комплексного расчёта параметров дискурса. Дата регистрации: 21.09.2020. Государственный номер регистрации: 2020661240.

Таблица 2

Сводные данные активности параметров лингвокреативности
в художественном и эпистолярном дискурсах

Table 2

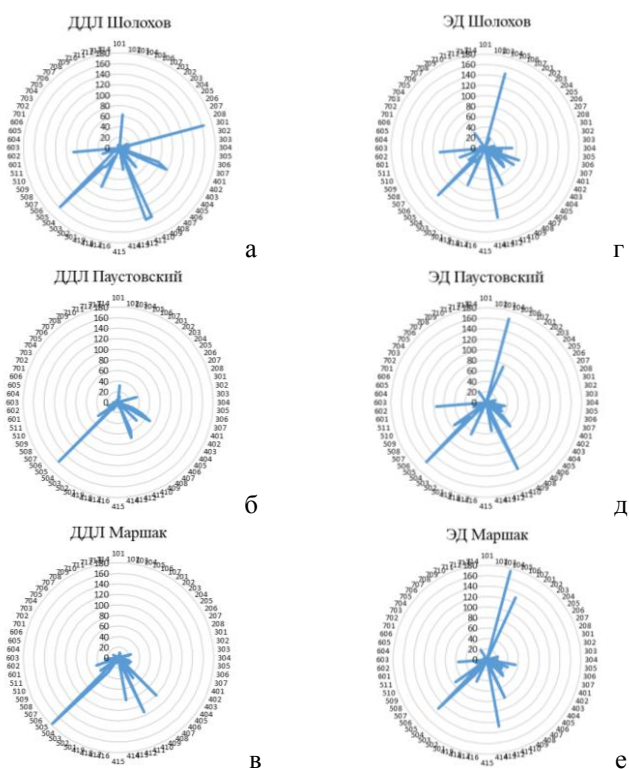
Summary data on linguistic creativity
in fiction and epistolary discourse types

Тип дискурса	Автор	101–108	201–208	301–306	401–414	501–511	601–606	701–714	Всего
Дискурс детской художественной литературы	М. Шолохов	70	28	195	599	435	89	10	1426
	К. Паустовский	45	2	46	360	276	9	12	750
	С. Маршак	23	16	58	416	369	27	24	933
	Всего	138	46	299	1375	1080	125	46	3109
Эпистолярный дискурс	М. Шолохов	168	0	101	496	389	92	49	1295
	К. Паустовский	241	2	70	428	392	94	30	1257
	С. Маршак	304	0	99	404	344	59	37	1247
	Всего	713	2	270	1328	1125	245	116	3799

Распределение активности параметров по уровням в целом в шести фрагментах является достаточно равномерным ($F(5, 41) = 13.5, p = 0.019$). Статистически значимыми являются различия в активности параметров двух типов дискурса только на фонологическом уровне ($SD = 114, t(1) = 11, p = 0.05$), хотя мы наблюдаем и определенные отличия на других уровнях, на морфологическом ($SD = 11.5$), словообразовательном ($SD = 53.8$), лексическом ($SD = 85.1$), синтаксическом ($SD = 53.9$), при графическом представлении фрагментов ($SD = 36.6$), в аспекте интердискурсивности ($SD = 14.9$). Также необходимо отметить, что различия наблюдаются при реализации отдельных параметров уровней. Для визуального наблюдения данных различий воспользуемся диаграммами, демонстрирующими дискурсивные профили фрагментов в двух типах дискурса, ДДЛ и ЭД (см. рисунок).

Проведенный анализ распределения активности отдельных параметров выявил, что оно является достаточно равномерным ($F(5, 431) = 11.3, p = 0.046$), однако оно менее равномерное, чем распределение уровневой активности (см. описание выше, $F(5, 41) = 13.5, p = 0.019$). Это означает, что определенные «колебания» происходят в активности отдельных параметров. Статистически значимыми являются сходства и различия 19 параметров, среди них параметры 104 (звуковой повтор (аллитерация, ассонанс, паронимическая аттракция)), 401 (смена регистров коммуникации), 403 (смена профессионального кода), 406 (лексический экспрессив и эмотив), 408 (лексико-парадигматическая новация (синонимы, антонимы, омонимы, паронимы, агнонимы)), 410 (стилистический троп), 411 (новация в использовании имени (собственного)), 413 (фразеологизм (узусальный или модифицированный)), 501–507 (эллиптическая конструкция, синтаксическая незавершенность (апосиопеза), синтаксическая фигура (анафора, эпифора, градация, бессоюзие), инверсия компонентов линейной схемы, параллельные конструкции или параллелизмы, новация форм обращения, независимая автосемантия), 510 (синтаксическая активность служебных частей речи (частицы, вводные слова, междометия)), 602 (новация со знаками препинания), 604 (графический акцент), 701 (интекст художественного дискурса). При этом высокое сходство показателей активности демонстрируется следующими параметрами (указаны в порядке снижения сходства): 410 ($t(5, 431) = 6.99, p < 0.01$); 505 ($t(5, 431) = 19.55, p < 0.01$); 507 ($t(5, 431) = 5.34, p = 0.003$); 510 ($t(5, 431) = 6.27, p = 0.002$). Самые значимые различия в активности обнаружены у параметров 104 ($t(5, 431) = 2.49, p = 0.05$), 502 ($t(5, 431) = 2.5, p = 0.05$); 602 ($t(5, 431) = 2.74, p = 0.041$); 411

($t(5, 431) = 2.57, p = 0.05$); 701 ($t(5, 431) = 3.19, p = 0.024$); 408 ($t(5, 431) = 3.2, p = 0.024$); 506 ($t(5, 431) = 3.26, p = 0.023$). Таким образом, можно утверждать наличие некоторых основных направлений преобразований дискурса. Различия наблюдаются в звуковых повторах, синтаксической незавершенности, новациях со знаками препинания, новациях в использовании имени (собственного), интекстах художественного дискурса, лексико-парадигматических новациях, новациях форм обращения.

Дискурсивные профили лингвокреативности произведений авторов
(активность приведена в абсолютных единицах)
Contrasted discourse profiles of linguistic creativity
(activity, Abs.)

Рассмотрим некоторые примеры реализации данных параметров в ДДЛ и ЭД. Как показал анализ, к числу параметров с самой высокой активностью в обоих дискурсах относятся использование стилистических тропов, параллельных конструкций, независимая автосемантия и использование служебных частей речи.

Однако при этом демонстрируется определенная специфика. Так, примеры (1–4) показывают отличия в использовании тропов, где для ДДЛ характерны отдельные однословные тропы, а для ЭД в целом более характерна их кластеризация.

(1) *В раскисших полях стояла дождевая вода* (К. Паустовский, ДДЛ).

(2) *Немногие оказались бы в силах так решительно и круто повернуть свою жизнь, как это сделал отец в ранней молодости* (С. Маршак, ДДЛ).

(3) *Сейчас был неправдоподобный закат из всех красок мира, а теперь – ночь, пароход как будто висит во мраке, и с далеких островов приходит ветер со слабым, но явным запахом лимона* (К. Паустовский, ЭД).

(4) *Моя безудержная писательская фантазия уже рисует мне такую картину: идет, шагая через угрюмые финские фиорды, наш бравый боцман...* (М. Шолохов, ЭД).

В использовании параллельных конструкций (примеры 5, 6) также наблюдаются отличия: для ДДЛ речь идет скорее об использовании однородных членов, в то время как для ЭД – о полноценных параллельных конструкциях.

(5) *Увидела Польшу, взвизгнула, одной рукой вцепилась в спутанные волосенки, а другой – зажав в кулаке железный утюг, молча била ее по голове, лицу, по гулкой иссохшей груди* (М. Шолохов, ДДЛ).

(6) *Отдыхали ли Вы где-нибудь летом, как перенесли холода и переносите жару? Здоровы ли Вы и чем заняты?* (С. Маршак, ЭД).

Независимая автосемантия в ДДЛ нацелена на введение авторской позиции или позиции других персонажей в текст повествования, в то же время в ЭД она часто используется для отсылки к иным текстам или событиям, значимым для формирования авторской позиции (примеры 7, 8).

(7) *Выждал Алешка, пока повернется спиной часовой, и юркнул под амбар (доглядел еще поутру, что из щелей струею желтой сочится хлеб)* (М. Шолохов, ДДЛ).

(8) *Полковник твой что-то киснет, но это согласно извечного закона природы: «болят мои старые раны и старые кости болят»* (М. Шолохов, ЭД).

Таким образом, при детализации «работы» параметров обнаруживаются различия, свидетельствующие о большей простоте и, как следствие, ориентированности на массовость адресации ДДЛ.

Обратимся и к некоторым различиям в активности параметров.

Как показал анализ, значительную вариативность демонстрирует параметр звукового повтора. Для ДДЛ он менее характерен, в то время как в ЭД звуковые повторы разнообразны (см. примеры 9, 10), могут формировать сложные ритмические ряды в рамках одного предложения.

(9) *На праздниках пришлось выпить с братьями-писателями, после получил то, что мне положено за «провинность»* (М. Шолохов, ЭД).

(10) *А в такие дни, как сегодня, восю завывает ветер, которому вторит море* (С. Маршак, ЭД).

Обнаружены различия в реализации обращений, которые демонстрируют не только большую активность в ДДЛ, но и большую коммуникативную вариативность, так как в ЭД это чаще всего самообращение или обращение к адресату, а в ДДЛ ввиду смены диалогических форматов коммуникации обращение используется для апелляции к разным персонажам и даже компонентам дискурсивного события (см. примеры 11, 12).

(11) – *Гребля! – сказал он упавшим голосом. – Теперь молитесь Богу, пассажиры!* (К. Паустовский, ДДЛ)

(12) *Не помня себя от волнения, я взбежал по ступенькам беседки и крикнул громко – на весь городской сад: – Музыка, играй!* (С. Маршак, ДДЛ)

В ЭД обращение к адресату выражается либо в клишированных оборотах (например, *Дорогой Николай, Уважаемый Михаил Иванович* и пр.), либо в более креативных формах (см. пример 13).

(13) *Тануш-Тануш, милый мой человек, до сих пор нет от тебя телеграммы, и я не знаю, доехала ли ты до Солотчи или вернулась обратно* (К. Паустовский, ЭД).

Среди интердискурсивных параметров различия обнаружены в более высокой активности введения иного художественного дискурса в ЭД, в ДДЛ

оно встречается очень редко, это апелляция к источникам школьной программы или авторам этих источников (см. примеры 14–16).

(14) Отец <...> знал чуть ли не наизусть *Гоголя и Салтыкова-Щедрина* (С. Маршак, ДДЛ).

В ЭД обращения к художественному дискурсу разнообразны: используются упоминания авторов и их произведений (пример 15), цитирование источников и метафорические включения проявлений художественного дискурса в эпистолярном тексте (см. пример 16).

(15) Только вчера получил я Ваш подарок – превосходную книгу «*Воронь Ут-Реста*» (С. Маршак, ЭД).

(16) В частности, я дружески советовал «голому королю» не обижаться на критику... (М. Шолохов, ЭД).

Таким образом, среди основных дискурсивных новаций, определяющих особенности лингвокреативности ДДЛ и ЭД, назовем установки на массового / индивидуального адресата, на монодискурсивность / полидискурсивность (интердискурсивность), на монодиалогизм / полидиалогизм, на репрезентацию события / авторепрезентацию.

Дальнейший анализ распределений значений в парных выборках художественных и эпистолярных произведений М. Шолохова, К. Паустовского и С. Маршака показал, что в первом и втором случаях различия в активности параметров не являются статистически значимыми ($t(71) = 0.427$, $p = 0.67$; $t(71) = -1.262$, $p = 0.21$), а в случае с произведениями Маршака они значимы ($t(71) = -2.11$, $p = 0.038$). Это говорит о том, что дискурс Маршака оказывается более «гибким» при подстраивании под тип дискурса, художественного или эпистолярного.

Рассмотрим подробнее вариативность данных проявлений с учетом критерия индивидуально-авторской принадлежности.

Так, описывая некоторые особенности лингвокреативности в ДДЛ и ЭД трех авторов, отметим, например, что для М. Шолохова в ДДЛ характерно использование разночастеречных метафорических включений, например: *колючие слезы, засуха вылизывала поля, порыжелые космы хлеба, настырно заглядывал ему в глаза кособокий месяц*. Достаточно часто используется бессоюзная связь (см. примеры 17, 18), часты разрывы предложений и использование тире.

(17) *Попробовал Алешка всего поднять, не под силу* (М. Шолохов, ДДЛ).

(18) *Недоглядели хозяева, и на прогоне пузатую кобылу пырнул под живот крутыми рогами хуторской бугай, – скинула кобыла* (М. Шолохов, ДДЛ).

Представляет интерес также сниженное количество эмотивной лексики при том, что описанию подвергаются достаточно эмоциональные проявления.

В ЭД М. Шолохова отмечается активное использование фразеологических единиц разного типа: от коллокаций до пословиц, которые могут концентрироваться в рамках нескольких следующих друг за другом предложений (пример 19).

(19) *Я понимаю, что хлеб насыщенный – великое дело, но, во-первых, не хлебом единым, а во-вторых, если под этим «хлебом» понимать и «Волгу» и безбедную житуху, и пр. удовольствия, то времени на основное не будет. Надо смотреть правде в глаза. Мафусаилов век тебе не отпущен* (М. Шолохов, ЭД).

Кроме того, для ЭД М. Шолохова характерно использование усилительных союзов и вводных слов (пример 20).

(20) *Куда-то он, как всегда, впрочем, спешил, торопился, заикался и исчез так же неожиданно, как и появился* (М. Шолохов, ЭД).

В ДДЛ К. Паустовского часто используются метафоры в глаголах, например: *у самых дверей кузни пляшет черный конь*.

Отметим частое использование диалектной и местной лексики через автономные включения, сопровождаемые тире или запятой, частое использование двойных глаголов, например: *жужжит-затишает лира*. Типично введение инверсии компонентов номинативного комплекса, например в (21).

(21) *И по сухой его щеке сползла слеза* (К. Паустовский, ДДЛ).

Среди интердискурсивных параметров активность наблюдается при введении религиозного дискурса и дискурса сказа.

Для ЭД К. Паустовского характерно, как и для ЭД М. Шолохова, использование фразеологических единиц, но К. Паустовский делает это особым образом. Отмечается большое количество как традиционной, так

и модифицированной фразеологии, но фразеологизмы встречаются разрозненно, а не концентрированно, как в ЭД М. Шолохова (пример 22).

(22) *А надо мной, должно быть, надо **поставить крест**; не знаю – успею ли, а **кровь в жилах все скудеет и скудеет**, но «на сердце не скудеет нежность»* (К. Паустовский, ЭД).

Кратко представим и некоторые особенности дискурса С. Маршака.

Для ДДЛ характерно использование однородных членов, выраженных глаголами, наречиями и др., часто со сходной семантикой, например в (23).

(23) *Немногие оказались бы в силах так **решиительно и круто** повернуть свою жизнь, как это сделал отец в ранней молодости* (С. Маршак, ДДЛ).

Достаточно часты окказиональные словосложения, например в (24).

(24) *Не ладил отец и с властями **предержащими*** (С. Маршак, ДДЛ).

В качестве специфической особенности укажем частое введение эмоциональной лексики, особенно в описаниях персонажей, их действий и характеристик, например: *довольна **весела и беззаботна**, позволил себе какую-то **грубость**, отец **вспыл**, на его **буйную** голову, **строптивого мастера** и др.*, а также фразеологической лексики, например: *человека, **носившего это имя**, у меня **дух захватило***. Интересны и используемые стратегии их модификации, например приращение компонентного состава фразеологизмов (см. пример 25).

(25) *Бьющиеся вещи как будто сами **подворачивались мне под руки и под ноги*** (С. Маршак, ДДЛ).

Покажем некоторые особенности ЭД С. Маршака. В первую очередь отметим, что эпистолярные тексты выделяются среди других авторов наличием экспрессивных фонетических средств, например ритмических повторов (см. пример 26).

(26) *Вообще **ничего случайного, равн^нодушного, безразличного быть не должно*** (С. Маршак, ЭД).

Кроме того, выделяются случаи окказионального словообразования, например, в обращении к адресатам, но не только (пример 27).

(27) *Моя дорогая Шурочка-Александриночка; подчас здешнее безлюдье и тишина подавляют меня* (С. Маршак, ЭД).

Таким образом, к дискурсивным новациям, находящим отражение в отличительных особенностях индивидуально-авторской лингвокреативности, можно отнести образность, частую смену событий и «народность» (М. Шолохов), интердискурсивность, «народность» и акциональность (К. Паустовский), эмоциональность, окказиональность и семантическое дублирование (С. Маршак). Можно предположить, что основные дискурсивные отличия «проходят» именно по этим направлениям.

Выводы

В исследовании для анализа дискурсивного феномена лингвокреативности в индивидуально-авторском дискурсе предложен метод поступательных преобразований системы отсчета, применение которого объясняет, почему одни и те же показатели активности параметров могут быть в одних условиях расценены как высокие, а в других – как невысокие. Метод, разработанный на материале дискурса детской литературы и эпистолярного дискурса произведений трех авторов – М. Шолохова, К. Паустовского и С. Маршака, заключается в поступательном установлении особенностей распределения активности параметров лингвокреативности преобразующихся (дискурсивных) систем с целью определения направлений их векторных трансформаций и дискурсивных новаций. Среди основных дискурсивных новаций отмечены установки на массового / индивидуального адресата, на монодискурсивность / полидискурсивность (интердискурсивность), на монодиалогизм / полидиалогизм, на репрезентацию события / авторрепрезентацию. Так, обнаружены отличия в реализации образности, частоте смены событий, «народности», типах интекстов, акциональности, эмоциональности, окказиональности и семантическом дублировании.

Разработанный метод, в основе которого лежит поступательный выбор систем отсчета при анализе дискурсивной лингвокреативности, может стать перспективным методом анализа не только лингвокреативности, но и дискурса в целом.

Список литературы

Акимова Т. П. Лингвокультурологические характеристики эпистолярного текста (на материале писем классиков русской литературы XIX–XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2017. 44 с.

Баранов А. Н. Постулаты когнитивной семантики // Изв. АН. Серия: Литература и язык. 1997. Т. 56 (1). С. 11–21.

Белова А. В. Лингвопрагматическая характеристика обратимой эпистолярной коммуникации (на материале переписки Ал. П. Чехова и А. П. Чехова): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 152 с.

Белоглазова Е. В. Дискурсивная гетерогенность литературы для детей: когнитивный и лингвопрагматический аспекты: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 400 с.

Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 256 с.

Григорьев В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. М.: Наука, 1983. 225 с.

Гусева С. В. Textoобразующие факторы и их функционирование в эпистолярном дискурсе А. П. Чехова: Дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2006. 156 с.

Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017. 752 с.

Зыкова И. В. Методологические векторы изучения лингвистической креативности в кинодискурсе // Уральский филологический вестник. Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». 2020. Вып. 29. С. 23–36.

Зыкова И. В., Киосе М. И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 26–40.

Калёнова Н. А. Эмотивная фразеология в частном эпистолярном дискурсе: Монография. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2015. 258 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Курьянович А. А. Теоретические вопросы изучения эпистолярия в современной лингвистике: Монография / Под ред. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2013. 220 с.

Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Сов. радио, 1978. 368 с.

Сапожникова Н. В. «В письме я есмь»: жизнь и философско-антропологическая судьба эпистолярного дискурса «русского» XIX века. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2006. 303 с.

Синельникова Л. Н. О научной легитимности понятия «дискурсивная личность» // Учен. зап. Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63), № 2, ч. 1. С. 454–463.

Троицкий Ю. Л. Историческая компаративистика: эпистемология и дискурс // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 26–32.

Фесенко О. П. Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2008. Вып. 23. С. 132–143.

Четверикова О. В. Знаки авторства как средства вербальной манифестации смысловой сферы творческой языковой личности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2012. 53 с.

Щедровицкий Г. П. Избр. тр. М.: Школа культурной политики, 1995. 800 с.

Bertalanffy L. General System Theory. Foundations, Development, Applications. N. Y.: University of Alberta Press, 1968. 289 p.

Hunt P. Understanding children's literature. London; New York: Routledge, 2005. 240 p.

Gamble N. Exploring children's literature: Reading with pleasure and purpose. London: SAGE, 2013. 280 p.

Kiose M. I. Linguistic creativity and discourse profiles of English language children's novels // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25 (1). P. 147–164.

Nikolaeva M. Children's literature comes of age: Towards a new aesthetic. N. Y.: Garland, 1996. 239 p.

Zipes J. Sticks and stones. The troublesome success of children's literature from Slovenly Peter to Harry Potter. London; New York: Routledge, 2001. 228 p.

References

Akimova T. P. Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki epistol'yarnogo teksta (na materiale pisem klassikov russkoy literatury XIX–XX vv.) [Linguo-culturological characteristics of the epistolary text (based on the letters of the classics of Russian literature of the 19th – 20th centuries)]. Abstract of Philol. Doc. Diss. Volgograd, 2017, 44 p. (in Russ.)

Baranov A. N. Postulaty kognitivnoy semantiki [Cognitive semantics postulates]. *Bulletin of the Academy of Sciences. Literature and language series*, 1997, vol. 56 (1), pp. 11–21. (in Russ.)

Belova A. V. Lingvopragmaticheskaya kharakteristika obratimoy epistol'noy kommunikatsii (na materiale perepiski Al. P. Chekhova i A. P. Chekhova) [Linguopragmatic characteristics of reversible epistolary communication (based on the correspondence between Alexandr P. Chekhov and Anton P. Chekhov)]. Philol. Cand. Diss. St. Petersburg, 2005, 152 p. (in Russ.)

Beloglazova E. V. Diskursnaya geterogenost' literatury dlya detey: kognitivny i lingvopragmaticheskiy aspekty [Discourse Heterogeneity of Literature for Children: Cognitive and Linguopragmatic Aspects]. Philol. Doc. Diss. St. Petersburg, 2010, 400 p. (in Russ.)

Bertalanffy L. General System Theory. Foundations, Development, Applications. New York, University of Alberta Press, 1968, 289 p.

Chetverikova O. V. Znaki avtorstva kak sredstva verbal'noy manifestatsii smyslovoy sfery tvorcheskoy yazykovoy lichnosti [Authorship signs as a means of verbal manifestation of the semantic sphere of a creative linguistic personality]. Abstract of Philol. Doc. Diss. Tver, 2012, 53 p. (in Russ.)

Fesenko O. P. Epistol'yariy: zhanr, stil', diskurs [Epistolary: genre, style, discourse]. *Chelyabinsk State University Bulletin*, 2008, vol. 23, pp. 132–143. (in Russ.)

Gamble N. Exploring children's literature: Reading with pleasure and purpose. London, SAGE, 2013, 280 p.

Grigorev V. P. Grammatika idiostilya: V. Khlebnikov [Grammar of Idiostyle: V. Khlebnikov]. Moscow, Nauka, 1983, 225 p. (in Russ.)

Guseva S. V. Tekstoobrazuyushchie faktory i ikh funktsionirovanie v epistol'yarnom diskurse A. P. Chehova [Text-formation factors and their functioning in the epistolary discourse of A. P. Chekhov]. Philol. Cand. Diss. Yoshkar-Ola, 2006, 156 p. (in Russ.)

Hunt P. Understanding children's literature. London, New York, Routledge, 2005, 240 p.

Kalyonova N. A. Emotivnaya frazeologiya v chastnom epistol'yarnom diskurs [Emotive phraseology in private epistolary discourse]. Volgograd, Volgograd Sci. Publ., 2015, 258 p. (in Russ.)

Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002, 477 p. (in Russ.)

Kiose M. I. Linguistic creativity and discourse profiles of English language children's novels. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25 (1), pp. 147–164.

Kuryanovich A. A. Teoreticheskie voprosy izucheniya epistolyariya v sovremennoy lingvistike [Theoretical Issues of Studying Epistolary in Modern Linguistics]. Tomsk, TSPU Press, 2013, 220 p. (in Russ.)

Melnikov G. P. Sistemologiya i yazykovye aspekty kibernetiki [Systemology and linguistic aspects of cybernetics]. Moscow, Sovetskoe radio Publ., 1978, 368 p. (in Russ.)

Nikolaeva M. Children's literature comes of age: Towards a new aesthetic. New York, Garland, 1996, 239 p.

Sapozhnikova N. V. "V pis'me ya esm'": zhizn' i filosofsko-antropologicheskaya sud'ba epistolyarnogo diskursa "russkogo" XIX veka ["In a letter I am": life and the philosophical and anthropological fate of the epistolary discourse of the "Russian" 19th century]. Nizhnevartovsk, NSHU Press, 2006, 303 p. (in Russ.)

Sinelnikova L. N. O nauchnoy legitimnosti ponyatiya diskursivnaya lichnost' [On the scientific legitimacy of the concept of discursive personality]. *Scientific notes of the Tavrichesky National University named after V. I. Vernadsky. Series: Philology. Social communications*, 2011, vol. 24 (63), pp. 454–463. (in Russ.)

Shchedrovitsky G. P. Izbrannye Trudy [Selected Works]. Moscow, Shkola kul'turnoy politiki Publ., 1995, 800 p. (in Russ.)

Troitsky Yu. L. Istoricheskaya komparativistika: epistemologiya i diskurs [Historical Comparative Studies: Epistemology and Discourse]. *Dialogue with time*, 2010, iss. 30, pp. 26–32. (in Russ.)

Vinogradov V. V. Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika [Stylistics. The theory of poetic speech. Poetics]. Moscow, AS USSR Publ., 1963, 256 p. (in Russ.)

Zipes J. Sticks and stones. The troublesome success of children's literature from Slovenly Peter to Harry Potter. London, New York, Routledge, 2001, 228 p.

Zykova I. V. Metazyzyk lingvokul'turologii: Konstanty i varianty [Cultural Linguistics Metalanguage: Constants and Variants]. Moscow, Gnozis, 2017, 752 p. (in Russ.)

Zykova I. V. Metodologicheskie vektory izucheniya lingvisticheskoy kreativnosti v kinodiskurse [Methodological vectors for the study of linguistic crea-

tivity in film discourse]. *Ural philological bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity*, 2020, iss. 29, pp. 23–36. (in Russ.)

Zykova I. V., Kiose M. I. Parametrizatsiya lingvisticheskoy kreativnosti v mezhdiskursivnom aspekte: kinodiskurs vs diskurs detskoy literatury [Linguistic creativity parametrization in contrasting discourse types: Cinematic discourse vs discourse of children's literature]. *Issues in Cognitive Linguistics*, 2020, vol. 2, pp. 26–40. (in Russ.)

Информация об авторах

Мария Ивановна Киосе, доктор филологических наук, доцент
Анна Александровна Степанова, кандидат филологических наук

Information about the Authors

Maria I. Kiose, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor
Anna A. Stepanova, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 12.06.2021; одобрена после рецензирования
10.07.2021; принята к публикации 15.07.2021*

*The article was submitted 12.06.2021; approved after reviewing 10.07.2021;
accepted for publication 15.07.2021*